

Статья посвящена вопросам формирования в Национальной библиотеке Беларуси личного архивного фонда И.Б. Симановского. В ней раскрывается также работа, которая проводится по изучению архива в настоящее время.

The article is devoted to the process of forming personal archival collection of J.B. Simanovsky. It also revealed the work that is carried out to study this archive at the present time.

Симановский Генрих Иосифович

КАКИМ Я ПОМНЮ СВОЕГО ОТЦА

Я, конечно, не претендую на документальную точность, поскольку память человеческая может давать сбои. Кстати, и в документах могут встречаться неточности и просто ошибки.

Я просто постараюсь передать то, что осталось в моей памяти, начиная с того времени, как помню себя, и до достижения мною 30-летнего возраста в 1967 г., когда отец умер.

Прежде всего, хотел бы сказать, как, по моему мнению, реагировал бы отец на название круглого стола, посвященного его памяти, который проводился в Национальной библиотеке Беларуси 7 сентября 2012 г. в рамках Международного конгресса «Национальная библиотека как феномен культуры». Видимо, он бы сказал, что это название применительно к нему звучит слишком громко: Человек-эпоха. Он себя так высоко никогда не ставил. Возможно, он бы предложил тему несколько перефразировать, например «Человек и эпоха». Действительно, период его наиболее активной деятельности совпал по времени с такими крупными эпохальными событиями, как бурный подъем и развитие республики и страны в целом в 20–30 гг. XX в., Великая Отечественная война и послевоенное восстановление и развитие.

В эти периоды были особенно востребованы такие качества, как способность работать не за страх, а за совесть, способность к

максимальной самоотдаче в интересах дела, которому служишь, на пределе своих сил и возможностей. Отец, по-моему, такими качествами обладал.

Насколько мне помнится, у нас в семье всегда был культ труда. Отец, да и мать тоже, не мыслили для себя других занятий. Досуга, как такового, просто не было, причем это было не вынужденное, а естественное состояние. Отдых у отца после работы (а рабочее время у него, как правило, не укладывалось в 8 часов) был такой: чтение газет и журналов, какие-то выписки по той или иной теме, работа над переводами и статьями.

Застолий не любил. Пил в крайне ограниченном количестве. Но курил очень много. Иногда более 2-х пачек «Беломора» в день (иногда курил «Север», «Дели», редко «Казбек». Помню по коробкам). Где-то в начале 60-х гг. под сильным давлением матери и врачей, к которым с трудом удавалось его «выпирать», стал курить меньше. Игры в карты, домино, лото и другие настольные игры не признавал. Иногда принимал со мной участие в познавательной игре «Вертолина». В шашки пытался играть, но крайне редко. В шахматы играть вообще не умел. В части ведения домашнего хозяйства был полным профаном и открыто признавал это. В этом вопросе полностью полагался на свою жену и ее мать – мою бабушку, которые, кстати, тоже не блистали особыми познаниями в этой области.

В работе, насколько помню, не терпел прежде всего махинаций и очковтирательства. Матери знакомые сотрудники библиотеки говорили, что «он, как Христосик, хочет все делать почестному. А в жизни так нельзя». Но он все равно оставался верен себе. Если нужно было что-то «пробить» для дела, пытался компенсировать недостаток своей гибкости тщательностью проработки вопроса, настойчивостью и последовательностью.

Во время споров на работе мог выходить из себя, срываться на крик, отстаивая свою точку зрения. Но, насколько я знаю, никому из подчиненных не сделал подлости и никого не унижал. Помню такой случай, я был свидетелем, как он на очень повышенных тонах беседовал с одной из старейших сотрудниц В.М. Белорецкой. Это было в жилой комнате рядом с его кабинетом, куда она явилась в нерабочее время (с конца 1944 и до осени 1951 г.

мы, как и ряд других сотрудников библиотеки, жили в ее здании). Кто из них громче кричал, трудно сказать. Мне тогда было примерно 10 лет, смысл спора мне был неясен. Когда она ушла, я спросил отца: «Она что, недисциплинированная?» Он неожиданно рассмеялся и сказал: «Да вот, не слушается». Через пару дней я увидел, как они мирно и уважительно беседовали в коридоре на 2-м этаже.

Отпуска у него, по-моему, были после войны только в 1947, 1952, 1955 и 1960 или 1961 г.

1947 г. – санаторий «Белоруссия» в Буддури.

1952 г. – санаторий в Несвиже.

1955 г. – дом отдыха Дома печати на Нарочи.

1960 (или 1961 г.) – дом творчества писателей в Королищевичах.

В отпусках – переводы и различные наработки по профессиональной деятельности.

В 1952 г., будучи в отпуске в Несвиже, он день посвятил обследованию библиотек и взял меня с собой (я был тогда в лагере старшеклассников при санатории), так что я наблюдал все сам. В Несвиже было 3 библиотеки: районная, городская и детская, все размещены в различных точках города. В каждой библиотеке беседовал с сотрудниками, интересовался фондами и отчетными данными о работе. К вечеру сделал вывод: такие библиотеки в райцентрах желательно было бы объединить в одну и иметь там детский отдел. Это бы позволило более эффективно использовать людские и материальные ресурсы и улучшить обслуживание читателей. Не знаю, насколько это применительно к сегодняшнему дню, но тогда, когда численность населения в райцентрах была гораздо меньше, это, видимо, было верно.

Расстраивало его такое явление: во время экзаменационных сессий библиотека заполнялась студентами, которые готовились к экзаменам по учебникам. Мест в читальном зале не хватало, и они сидели в коридорах и даже на лестницах. Он не раз говорил, что обеспечение студентов учебниками – дело учебных заведений и их библиотек. В Государственную библиотеку должны приходить только те студенты, которые стремятся к углубленному (глубже требований учебной программы) изучению того или иного во-

проса. Но учебников в учебных заведениях не хватало, и отцу оставалось только расстраиваться по этому поводу.

В последние годы перед выходом на пенсию отец много времени и нервов уделял вопросам, связанным с расширением здания библиотеки в сторону реки по улице Кирова.

Выйдя на пенсию, отец продолжал работать дома, не порывая при этом связи с библиотекой: готовил материалы по истории библиотечного дела в республике, занимался переводами. Многого не успел закончить. И еще был один, как это теперь говорят, проект, который они с матерью задумали, когда оба стали пенсионерами. Это – библиографические справочники «Белоруссия в зарубежной печати». Замысел у них был совместный. Основным исполнителем была мать. Началась эта работа при его жизни, а закончилась матерью незадолго до ее смерти, в начале 90-х гг. Издана целая серия справочников. Все они посвящены «памяти И.Б. Симановского», и это не просто память сердца, а еще и отражение значения его замысла.

Пару слов о двуязычии. Он легко переходил с русского языка на белорусский и наоборот. Гейне переводил на белорусский, Верхарна – на русский.

О его взглядах. Не нужно поступать так, как это сейчас стало модным и как это делают со многими лицами, которые жили в то время и о которых пишут теперь, стремясь показать их диссидентами, предтечами перестройки, независимо от того, как было на самом деле. Он не был ни тем, ни другим. Он был преданным сыном своей Родины – СССР, своей республики – Советской Белоруссии и своего времени. Достоинно представлял республику на международной встрече по линии ЮНЕСКО в Вене в 1958 г.

Не рассматривал он себя и в качестве «жертвы режима». О злополучной статье в «Звезде» в сентябре 1937 г. говорил с досадой, как о неумной попытке ее автора прославиться разоблачением на пустом месте, что имело место в тот год. Отмечал, что сразу же написал опровержение «в высокие инстанции» и уже в конце 1937 г. был назначен директором создававшейся республиканской научной медицинской библиотеки, а еще через несколько месяцев в той же «Звезде» было напечатано сообщение о том, что компрометирующие его факты не подтвердились. Вскоре он

параллельно был задействован в аппарате Наркомпроса БССР, в составе которого и эвакуировался пешком из Минска в Могилев в конце июня 1941 г. Причем обо всем этом говорилось не с трибуны и не на публику, а дома, в кругу семьи.

Будучи ярким патриотом библиотечного дела, он и тех или иных крупных деятелей оценивал с точки зрения их полезности для этого библиотечного дела.

Исходя из этих позиций, очень высоко отзывался о Ленине. Говорил: «Ленин был настоящий ученый и, как таковой, очень хорошо понимал роль библиотечного дела и много для него сделал». Особенно ценил важность введения по инициативе Ленина нормативного документа об обязательном экземпляре. Считал, то, что имя Ленина носят многие библиотеки в Союзе – это не перегиб, а историческая справедливость.

Думается, если бы он увидел сегодняшнюю Национальную библиотеку, то был бы очень доволен тем техническим уровнем, на котором она сейчас находится, и о котором в его время просто нельзя было мечтать. В то же время его бы огорчило, что имя Ленина библиотека уже не носит. И то, что рыночные трудности и разрушение Союза наносят значительный ущерб библиотечному делу в целом и его родной библиотеке в частности.

В отношении Сталина отец вспоминал, что ему довелось однажды, в 20-х гг., беседовать с Невским (Кривобоковым), который ему рассказал, что обращался к Сталину по вопросам дальнейшего развития библиотечного дела. Сталин якобы ему ответил, что сейчас не до того. Нам хотя бы выполнить в этом плане то, что намечено Лениным.

В конце 50-х гг. отец был очень огорчен тем, что, как он сказал, были приняты на правительственном уровне меры по уменьшению количества обязательных экземпляров. Инициатива, якобы, исходила от Ф.Р. Козлова. Попытки руководящих библиотечных работников страны воспрепятствовать этому успеха не имели.

Пришлось мне услышать от отца также о встрече с маршалом Рокоссовским. Дело в том, что после войны в Прибалтике, Польше и Германии были обнаружены эшелоны с книгами, вывезенными гитлеровцами из различных библиотек СССР, в том

числе из Госбиблиотеки БССР. Отец был в числе тех белорусских работников, которых командировали в указанные места как по вопросам возвращения награбленного гитлеровцами, так и по вопросам репараций. Возник вопрос, как быть в том случае, если в одном эшелоне находятся книги из различных библиотек. Этот вопрос и был задан кем-то из белорусской делегации (кем, отец не сказал) на встрече с маршалом Рокоссовским. Тот дал решение: «Нашли одну книгу со своим штампом, гоните к себе весь эшелон. На месте будете разбираться и раздавать другим их книги».

Так и делалось. По указанию П.К. Пономаренко в Доме Правительства было выделено крупное помещение типа зала. Эшелоны подавались к Дому Правительства по имевшейся тогда железнодорожной ветке от пассажирского вокзала. Книги разгружались в этот зал. Там сортировались группой сотрудников библиотеки и затем в ящиках перевозились на грузовой машине в здание библиотеки.

Высоко отзывался отец и о П.К. Пономаренко, опять-таки с точки зрения понимания им интересов библиотечного дела. Говорил, что, когда летом 1942 г. он был переведен на работу в Москву, у него была краткая встреча с Пономаренко. Пономаренко ему сказал, чтобы он имел в виду, что ему придется восстанавливать Государственную библиотеку БССР, так как «в Минске мы будем». Это произвело на отца тогда сильное впечатление. Гитлеровцы прут на Сталинград, а Пономаренко говорит, как о чем-то деловом, что «в Минске мы будем».

После войны Пономаренко несколько раз приходил в библиотеку, благо она была рядом со зданием ЦК, интересовался, как идут дела с ее восстановлением, и заодно просил делать для него подборки литературы по тем или иным вопросам, касающимся республики.

Вообще, Пономаренко, по словам отца, очень хорошо ориентировался в том, что касалось библиотечного дела. Когда его в 1953 г. назначили министром культуры СССР, отец подготовил ему ряд предложений по совершенствованию работы в области библиотечного дела. Ездил в Москву и доложил их Пономаренко. Говорил, что тот с пониманием отнесся к его предложениям, только сказал, что для их реализации потребуется время. Когда

Пономаренко с должности министра культуры перебрали на другую работу, отец очень сожалел.

Среди руководящих работников республики выше ведомственного уровня, которые по-деловому и доброжелательно содействовали восстановлению и развитию библиотеки в послевоенный период, отец, помимо Пономаренко, называл также Абрашова и Уралову. Часто общался он с министром культуры БССР Минковичем и другими работниками Министерства (запомнились фамилии Кукушкина и Лелиной, впоследствии ставшей Крупенько).

Из специалистов библиотечного дела, кроме сотрудников Государственной библиотеки (о которых можно писать отдельно и много), в моей памяти сохранились фамилии преподавателей библиотечного факультета Минского пединститута Толкачева и Мавричевой, москвичей Кухарькова, Рудомино, Чубарьяна и Бочевера, ленинградцев Сахарова и Фирсова.

Что касается чтения специальной и художественной литературы, то отец прорабатывал ее в огромном количестве (кроме детской и юношеской литературы) и тут же возвращал в библиотеку. Более или менее долго на его рабочем столе задерживались такие книги, как: брошюра Крупской «Что писал и говорил Ленин о библиотеках» (опять-таки не напоказ, а просто он испытывал в ней потребность); книга Чуковского «Искусство перевода»; сборник переводов поэзии Верхарна на русский язык; книги Рубакина «Среди книг» и Сытина «Жизнь для книги». Были среди этих книг и «Ад» Данте, и сборник переводов на русский язык гражданской поэзии Франции. И много чего еще, все не перечислишь.

Он регулярно читал приходившую в библиотеку газету «Юманите» на французском языке.

Из художественных произведений, которые нравились отцу, и он иногда читал их вслух и даже что-то повторял наизусть, мне помнятся:

из Пушкина: «Медный всадник», «Прощай, свободная стихия» и «Клеветникам России» (по поводу последнего стихотворения я, еще будучи в пионерском возрасте, задал ему вопрос: «Но как он писал так о царской России?»)

Отец ответил: «А тогда другой не было»);

из переводных стихотворений: «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой...», «Суд божий над епископом» и «Рыцарь Раллон»;

из поэзии А.К. Толстого: «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (Послушайте, ребята, что вам расскажет дед...);

читал он вслух отдельные стихи Симонова, нравилась ему поэма Твардовского «Дом у дороги»;

в поэзии Пастернака он отмечал высокое качество формы, у Тютчева ему особенно нравился образ – «громокипящий кубок».

Из воспоминаний раннего детства могу сказать, что отец читал мне на французском языке стихи Верлена, которые звучали убаяюще.

Мне приходилось слышать, что отец, якобы, любил рассказывать анекдоты, в том числе на сексуальную и политическую темы. Могу твердо заявить, что он практически вообще анекдотов не рассказывал. За исключением трех:

1. Во Франции очень образованные люди. Там даже каждый извозчик говорит по-французски.

2. О переводе Мицкевича Румером. Мицкевич встал из гроба и спросил, кто его переводит на русский язык. Ему ответили: «Румер» Он вздохнул и снова умер. (По его словам, такой анекдот ходил в писательской среде).

3. О наследовании качеств в изложении Бернарда Шоу. В письме к Б. Шоу одна актриса ему писала, что «если у нас с Вами были бы дети, они бы унаследовали мою красоту и Ваш ум». Б. Шоу ответил: «А если бы произошло наоборот и они унаследовали мою «красоту» и Ваш «ум»?..»

Но это не означает, что ему вообще было чуждо чувство юмора. Он, мог с улыбкой рассказывать о некоторых происшествиях, которые происходили с ним или в его присутствии. Так, приехав во Францию, он в какой-то харчевне заказал себе недорогое блюдо, которое заказали за соседним столиком французские офицеры. Потом узнал, что это было блюдом из лягушек. Приобрел он и плащ с пелериной, чем вызвал смех у других русских студентов, сказавших ему, что такие плащи носят только французские полицейские.

Вот, пожалуй, и все, что приходит на память в 120-ю годовщину рождения отца, в 45-ю годовщину его смерти и в 90-ю годовщину Государственной библиотеки БССР имени Ленина, ныне Национальной библиотеки Беларуси.

Статья содержит воспоминания сына И.Б. Симановского, Генриха Иосифовича, об отце.

The article contains the memories of the son of J.B. Simanovsky, Henry, about his father.